

Пораженческая философия европейцев

Учащихся Франции и Германии учат, что экономические принципы капитализма, свободного рынка и предпринимательства дикие, вредные и безнравственные. От того, удастся ли изменить эти установки, зависит будущее европейской экономики

Штефан Тайль

Миллионы детей растут в атмосфере предубеждений и дезинформации. Оттого что в школе им преподносят искаженную идеологию, они начинают мыслить догмами, которые противоречат базовым установкам и ценностям большинства других западных стран. Они учатся по учебникам, от которых веет духом протеста, а затем, проникшись этим духом, отправляются поступать в лучшие университеты мира. Вырвать этих детей из тисков необъективности по существу означает сделать выбор: двинуться ли к мировому процветанию или усугубить глобальный раскол. Но решить эту задачу будет нелегко. И не потому, что дети, о которых идет речь, учатся в медресе Пакистана или в контролируемых государством школах Саудовской Аравии. Напротив, они живут в двух крупнейших демократических государствах мира — во Франции и в Германии.

То, чему страна учит своих юных граждан, отражает ее глубинные национальные ценности. Именно школы передают историческое

наследие общества следующим поколениям. Идет много споров относительно того, как проявляется идеология в учебниках истории: существуют японские учебники, которые преуменьшают масштабы «нанкинской резни», книги, по которым учат палестинских школьников, где на географических картах нет Израиля, и новые российские рекомендации для учителей, предлагающие им представлять сталинский период в более благоприятном свете. Однако преподавание экономики в тех или иных странах практически не подвергается анализу, несмотря на то, что этот предмет тоже исключительно важен для формирования коллективной идентичности, которая определяет внешнюю и внутреннюю политику страны.

Школы не только передают историческое наследие, они также транслируют «истины» о капитализме, государстве всеобщего благосостояния и других экономических принципах, которые общество считает самоочевидными. Например, и во Франции, и в Германии школы сыграли свою роль в формировании у молодежи весьма неприязненного отношения к капитализму. По данным одного из опросов 2005 года, только 36 проц. французских граждан сказали, что они

ПЕРЕВОД СТАТЬИ ШТЕФАНА ТАЙЛЯ (STEFAN THEIL) «EUROPE'S PHILOSOPHY OF FAILURE», ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ FOREIGN POLICY, NO 164 (ЯНВАРЬ/ФЕВРАЛЬ 2008) WWW.FOREIGNPOLICY.COM © 2008, CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ FOREIGN POLICY

поддерживают систему свободного предпринимательства, причем Франция оказалась единственной из 22-х стран — участниц опроса, в которой поддержку этому основополагающему принципу коммерческой деятельности выразило меньшинство населения. Аналогичным образом в Германии уровень поддержки социалистических идей в 2007 году достиг небывалого максимума в 47 проц. (по сравнению с 36 проц. в 1991 году).

Конечно, можно просто игнорировать эти тенденции и относиться к ним как к занимательному сюжету для светской беседы. Но к сожалению, они обладают большой разрушительной силой. В Германии в значительной степени благодаря социальным реформам наконец-то заметно снизилась безработица, которая долгое время держалась на уровне Великой депрессии. В результате проведенных преобразований в 2005 году многие немцы, привыкшие жить на пособие, были вынуждены выйти на работу. Однако, несмотря на этот благоприятный результат, в Германии принято считать, что перестройка государства всеобщего благосостояния вышла далеко за пределы допустимого. Канцлер Ангела Меркель, которую когда-то объявили немецкой Маргарет Тэтчер, практически отказалась от своих планов формирования более свободного рынка. Вместо этого она ввела новый «налог на богатых», ужесточила правила на рынке труда и пообещала принять меры, направленные на «регулирование» глобализации. Между тем две трети немцев готовы поддержать как минимум некоторые положения антиреформаторской платформы экономических «шаманов» — речь идет о новой шумной политической партии антиглобалистов *Die Linke* («Левые»), созданной бывшими восточногерманскими коммунистами и западными левыми популистами.

Многие из этих популярных идей лежат в основе школьных программ, одобрен-

ных государством. Основные положения школьных уроков экономики существенно отличаются от рыночных принципов, на которых строится вся западная экономическая модель. По всей видимости, подобное явление имеет место не только в Европе, но мало где оно проявляется с такой очевидностью, как во Франции и в Германии. Тенденциозное представление об экономике лежит в основе многих острейших мировых проблем, от роста популизма до глобального распространения антиамериканизма и антикапиталистических настроений.

Экономическое меню

«Экономический рост навязывает человеку лихорадочный образ жизни, заставляет его слишком много работать, что приводит к стрессу, депрессии, распространению сердечно-сосудистых заболеваний, а по некоторым данным, даже способствует развитию рака», — гласит трехтомный учебник истории XX века (*Histoire du XXe siècle*). Штудирюя тексты из этого пособия, множество французских старшеклассников готовятся к вступительным экзаменам в Институт политических наук (так называемый *Sciences Po*) и в другие престижные университеты Франции. Последние 20 лет привели к «удвоению богатства, удвоению безработицы, бедности и социального отчуждения; эти негативные процессы формируют почву для глубокого социального недуга», — читаем в цитируемом учебнике. Поскольку XXI столетие начинается «с осознания пределов роста и угроз для человечества [в результате экономического роста]», любое будущее процветание «зависит от регулирования капитализма в планетарном масштабе». На страницах учебника капитализм неоднократно характеризуется как «жестокый», «дикий», «неолиберальный» и «американский». И эта агитка опубликована в 2005 году, а не в каком-нибудь 1972-м.

Если же французским учащимся так или иначе удастся проскочить мимо этого крайне предвзятого мнения о разрушительном воздействии капитализма, из других источников они могут узнать, что первопричиной многих социальных бед является экономический прогресс. Например, в годичном курсе для старшекласников, посвященном механизмам функционирования экономики (программа называется «Экономические и общественные науки» (*Sciences Economiques et Sociales*)) и разработанном Министерством просвещения Франции, две трети учебного времени отводится на обсуждение негативно-го влияния экономической деятельности на социально-политическую сферу. Вот заголовки некоторых глав и разделов: «Социальное расслоение и неравенство», «Социальная мобилизация и конфликт», «Бедность и отчуждение», «Глобализация и регулирование». Министерство требует, чтобы «международное регулирование» преподносилось учащимся как «ответ на глобализацию».

Лишь треть курса отводится компаниям и рынкам, причем даже в этих разделах многие абзацы посвящены профсоюзам, экономической политике правительства, ограниченным возможностям свободного рынка и опасностям роста. Общий смысл в том, что экономическая деятельность имеет массу нежелательных побочных эффектов, от которых граждан необходимо защищать.

Поэтому не следует удивляться тому, что «по умолчанию» граждане Франции относятся с недоверием к свободному рынку и частному предпринимательству, не говоря уже о политических мерах, направленных на их укрепление. Молодые компании в «Истории XX века» называются «рискованными предприятиями» с «неопределенными перспективами». Затем понятие «предприниматель» связывается с «мыльным пузырем» высокотехнологичных компаний, кризисом доткомов и массовыми увольнениями. В одном

широко используемом пособии раздел, посвященный технологиям и инновациям, не содержит ни одного конкретного упоминания о предпринимателе или компании. Вместо этого учащимся предлагается длинное рассуждение на тему о том, уничтожает ли технологический прогресс рабочие места. Другой учебник рассказывает школьникам о французском бизнесмене, который изобрел новый инструмент для открывания устричных раковин. Но вслед за этим курьезом разворачивается пространная дискуссия о том, насколько организация рабочего места сегодня соответствует принципам, предложенным отцом современной научной теории управления Фредериком Тейлором. А на случай, если они пропустили это в курсе истории, им напоминают, что «культурная глобализация» ведет к насилию и вооруженному противостоянию, так что в конечном счете миру потребуется реформировать всю систему международных отношений.

Все это радикально отличается от того, чему учат американских старшекласников. В Соединенных Штатах, где курс экономики по собственному выбору проходят менее половины школьников, в большинстве случаев преподается обычная, классическая экономика. Например, в Техасе одобренный властями штата учебный план предусматривает освещение позитивного вклада предпринимателей в местную экономику. В штате Нью-Йорк в составлении учебной программы принимают участие молодежные группы содействия свободному предпринимательству, такие, как *Junior Achievement*, а также экономисты из числа сотрудников Федеральной резервной системы. Не то чтобы в американских школах учеников призывали идти по стопам Билла Гейтса или становиться горячими поклонниками глобализации. Это не так. Но здесь учащихся, во всяком случае, не пичкают предвзятыми негативными оценками и недоверием по отношению к фирмам и тем,

кто ими управляет. И кроме того, в отличие от французских учебников, тут не уделяют столько внимания побочным эффектам и рискам экономической деятельности.

С другой стороны, французским учащимся не столько преподают собственно экономику, сколько предлагают некий весьма специфический и крайне предвзятый дискурс *на тему об экономике*. И вполне возможно, что, заканчивая школу, они мало что будут знать о спросе и предложении или о структуре и деятельности корпораций. Но зато они, вероятно, получат — в извращенном виде —

деление мира на труд и капитал, работодателя и наемного служащего, босса и рабочего. Учебники вникают во все тонкости отношений работодателя и наемного работника, трудового конфликта, коллективного трудового договора, профсоюзной деятельности, забастовок и защиты прав рабочего. Даже поверхностный взгляд на немецкие учебники позволяет заключить, что многие из них написаны с точки зрения будущего работника — члена профсоюза. Боссы и владельцы компаний представлены в карикатурах и иллюстрациях как праздные плутократы с

“Все немецкие учебники экономики объединяет сильнейший упор на групповые интересы и традиционное для социал-демократии разделение мира на труд и капитал”.

представления об ужасах «макдональдизации мира» и пользе налога Тобина, которым предлагается облагать каждую международную транзакцию. Этот дискурс антикапитализма и антиглобализма обнаруживается не только в статьях горстки постаревших «детей революции» 1968 года, — это входит в учебную программу сегодняшних французских школ.

Как воспитать любовь к пособию по безработице

Примерно так же преподают экономику и в немецких школах, разве что здесь по-иному расставлены акценты. В Германии упор делается на укоренение корпоративных и коллективистских традиций немецкой системы. Хотя каждая из 16-ти земель ФРГ устанавливает свои собственные правила в сфере образования, почти везде экономика преподносится через призму конфликта между работодателем и наемным работником по поводу заработной платы и условий труда. Все немецкие учебники экономики объединяет сильнейший упор на групповые интересы и традиционное для социал-демократии раз-

сигарой в зубах, а иной раз их образ связывается с использованием детского труда, мошенничеством в Интернете, зависимостью от мобильного телефона, алкоголизмом и, конечно, несправедливыми увольнениями. Образ преуспевающего современного предпринимателя здесь практически отсутствует.

По окончании школы немецкий выпускник неплохо разбирается во многих предметах, но особенно хорошо он представляет себе свои права на получение пособия по безработице. В одном из учебников по общественным наукам для 10-го класса под названием *ФАКТ* есть глава «Как бороться с безработицей». Вместо того чтобы рассказать учащимся, как компании могут создавать рабочие места, здесь говорится о том, как люди, лишившиеся работы, создают группы взаимопомощи и объединяются для организации еженедельных протестов против реформ «в традиции демонстраций в Восточной Германии по понедельникам» (которые в 1989 году способствовали падению коммунистической диктатуры). Намек вполне прозрачный. Наличие работы — это

право, реализации которого следует требовать от правительства. В той же самой главе подробно представлены различные программы социального обеспечения и объясняется, как работодатели используют угрозу увольнения для сокращения заработной платы. Под конец приводится длинная выдержка из платформы Немецкой федерации профсоюзов, в частности, положения о 30-часовой рабочей неделе, выходе на пенсию в 60 лет и перераспределении «пирога» трудовой занятости за счет дробления полного рабочего дня на неполные ставки. Никакая рыночная альтернатива не обсуждается. Говоря о причинах безработицы, *ФАКТ* обвиняет в ней компьютеры и автоматизацию производства.

ежегодных саммитах «Большой восьмерки».

То, что европейцы смотрят на мир через призму левоцентристских, социал-демократических представлений, само по себе не новость. Удивление вызывают масштабы и глубина антирыночного уклона в школах Европы. Учащиеся узнают, что частные компании уничтожают рабочие места, в то время как правительственная политика способствует их созданию. Работодатели эксплуатируют трудящихся, а государство их защищает. Свободные рынки несут с собой хаос, тогда как государственное регулирование обеспечивает порядок. Глобализация сеет разрушение, а то и ведет к катастрофе. Бизнес — это игра с нулевой суммой и

“Немцы в два раза чаще, чем американцы, отвечают в социологических опросах, что не стоит начинать собственное дело, если опасешься потерпеть неудачу”.

Последний сюжет кочует из одного немецкого учебника в другой: Интернет превращает рабочих в бездушные автоматы и уничтожает межличностное общение.

Столь же популярны в сегодняшней Германии учебные пособия по глобализации. В одном таком пособии имеются разделы «Возрождение капитализма в духе манчестерской школы», «Бразилизация Европы» и «Возвращение Средневековья». По мнению его авторов, Индия и Китай успешно развиваются потому, что в обеих странах существует большой государственный сектор и практикуется протекционизм, в то время как самые свободные рынки существуют в нищих государствах, расположенных в южной части Африки. Как и во многих других французских и немецких книгах, в этом пособии проводится мысль, что учащимся пойдут на пользу контакты с антиглобалистской группой *Attac*, более всего известной шумными беспорядками, которые она устраивает на

источник всех сегодняшних социальных бед. Проявив инициативу, некоторые учителя и родители, конечно, могут попытаться донести до учеников альтернативную точку зрения, и, разумеется, не все учебники столь тенденциозны. Но, учитывая изначальную предвзятость, заложенную в учебные планы, этот фон присутствует неизбежно. Он образует контекст, в котором совершается интеллектуальное становление большинства учащихся. И формируемое таким образом мировоззрение когда-нибудь может воплотиться в реальность.

Способна ли старая Европа на новые подвиги?

Предвзятость, о которой идет речь, порождает важнейшие следствия, значение которых выходит далеко за рамки политических дебатов в этих двух странах. Эти установки определяют дальнейший жизненный выбор учащихся. Усвоив в школе, что свободный

рынок — это опасное «дикое поле», немцы в два раза чаще, чем американцы, отвечают в социологических опросах, что не стоит начинать собственное дело, если опасаться потерпеть неудачу. Согласно данным опроса, проведенного в ЕС, только двое из каждых пяти немцев и французам хотели бы иметь свое собственное дело и ни от кого не зависеть (среди американцев — трое из пяти). И если 8 проц. американцев говорят, что в данный момент находятся в процессе создания собственного бизнеса, то среди немцев таких всего 2 проц., а среди французам 1 процент. Двадцать восемь процентов американцев думают о том, чтобы начать собственный бизнес, — по сравнению всего лишь с 11 проц. французам и 18 проц. немцев. Все это наносит серьезный урон экономике обеих крупнейших стран Европы — в том, что касается рабочих мест, инноваций и динамичности экономики.

Становится все более очевидным, что жизненные установки и мироощущение тесно связаны с экономическими успехами страны. Экономист из Колумбийского университета и нобелевский лауреат Эдмунд Фелпс утверждает, что различия в реальных экономических показателях стран в значительной мере объясняются доминирующим в каждом конкретном обществе отношением к рынку, работе и риску, нежели традиционными факторами, на которых обычно концентрируют внимание экономисты, — такими, как социальные расходы, налоговые ставки и регулирование рынка труда. Связь между капитализмом и культурой, в свое время превосходно описанная Максом Вебером, также помогает объяснить низкие показатели предпринимательства и инновационной деятельности в континентальной Европе. По данным исследования массачусетской организации *Monitor Group* под названием «Сравнительный индекс предпринимательства» (*Entrepreneurship Benchmarking Index*), проводившегося в девяти странах,

прослеживается четкая корреляция между представлениями об экономике и реальными показателями корпораций. Исследователи считают, что именно этими представлениями объясняется 40 проц. разброса в темпах роста компаний, в том числе и начинающих; по этому показателю была выявлена самая сильная корреляция (всего в ходе исследования рассматривался 31 фактор). И если такие страны, как Франция и Германия, планируют (по крайней мере, так утверждают их лидеры) активно развивать предпринимательство и инновационную деятельность и повышать динамичность экономики, то наиболее эффективный путь к этому лежит через образование: формируя соответствующие культурные представления, оно может повысить «легитимность» предпринимательской деятельности.

Глубокий антирыночный уклон, заложенный в образовании французских и немецких школьников, резко контрастирует с распространенным представлением о том, что благодаря давлению глобализации переход большей части мира к так называемой «западной» модели капиталистического свободного рынка — всего лишь вопрос времени. Политические деятели в демократических государствах не смогут долго игнорировать предпочтения большинства своих избирателей. Таким образом, этот уклон будет и впредь оказывать влияние на исход выборов в странах Европы, а значит, и на их политический курс. Альтернативное развитие можно представить себе как результат негативных изменений, вызванных глобализацией. Последние могут пробудить в гражданах скрытое недовольство капитализмом и тем самым создать во многих странах, как в Европе, так и в Латинской Америке, благоприятную среду для популистов и демагогов. Эта тенденция проявляется уже сейчас: достаточно посмотреть на стремительный рост множества левых движений.

В 2005 году минимальные реформы государства всеобщего благосостояния стоили бывшему немецкому канцлеру Герхарду Шрёдеру поста и парализовали современную немецкую политику. Бывшие коммунисты и недовольные социал-демократы, объединившись с левыми «зелеными», стали оформляться в новое левое движение Германии, в основе которого — неприятная смесь антикапиталистической демагогии и ксенофобии правого толка. Их платформа, как показывают данные опросов, находит поддержку даже среди умеренно настроенных немцев, обычно тяготеющих к политическому центру. Оттого что большинство, и в парламенте, и в обществе в целом, оказалось во власти «левых» настроений, экономика Германии, занимающая сегодня третье место в мире, становится объектом разрушительной политики, в основе которой — неприятие капитализма и страх перед глобализацией. Подобную ситуацию легко представить себе и в других местах, а в Латинской Америке это уже привело к тому, что власть оказалась в руках популистов. Что касается Франции, то недавно избранный президент Николя Саркози обещал «порвать» с экономической политикой недавнего прошлого, которая принесла стране массу неудач.

Он предпринял попытку пересмотреть сверхщедрые социальные гарантии, которые традиционно предоставляются французским государственным служащим, но многие аспекты его политики, по-видимому, обусловлены тем, что он называет «экономическим патриотизмом»; в действительности предлагаемые им меры напоминают старый добрый протекционизм. Именно так, если судить по учебным программам французских школ, и должен быть устроен мир.

Ситуация во Франции и в Германии показывает, как трудно противостоять глубоко укорененной экономической идеологии. Но при этом было бы крайне неразумно воспитывать молодое поколение в духе подозрительности и недоверия к предпринимательской инициативе и эффективному бизнесу. К счастью, подобные представления (и их политические последствия) хотя и широко распространены, но не всегда определяются традициями и историей. В значительной степени они являются результатом образования. Если такие страны, как Франция и Германия, действительно надеются изменить экономический курс, возможно, для начала им следует повнимательнее присмотреться к тому, чему учат их детей в школах.